

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ РУССКОЙ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РАССКАЗЕ А. П. ЧЕХОВА «ДОМ С
МЕЗОНИНОМ»**

Азарова Л. Є., Горчинська Л. В. Психологічний портрет російської провінціальної інтелігенції в оповіданні А. П. Чехова «Дім із мезоніном»

Анотація. У статті розглянуто розкриття А. П. Чеховим психології, людської суті, поведінки провінціальної інтелігенції, її розуміння сенсу життя і призначення людини; показано галерею характерів і різних життєвих шляхів героїв, «морально хворих, надломлених»; сувору критику письменником дійсності і міщанства; безплідність ліберальних ілюзій, що поширилися в 70-ті роки серед демократично налаштованої публіки. Обґрунтовано, що в оповіданні «Дім із мезоніном» романтичну історію про кохання поєднано з громадською темою, пов'язаною з проблемами земств. Установлено, що в «Домі з мезоніном» відбуваються суперечки щодо сенсу життя, призначення людини. Проаналізовано образ молодого художника, який мріє про утопічний ідеал суспільного ладу: якщо звільнити людей від важкої фізичної праці, розділивши її, то тоді кожен буде думати про головне, про пошук правди. Визначено, що його «противник» – Лідія, героїня – подвижниця, прихильниця теорії «малих справ», які вносять невеликі зміни в життя народу, але не піднімаються до розв'язання головних завдань. Місюсь входить до галереї чеховських героїнь-мрійниць, дещо відсторонених від життя і тих, хто підкорюється долі. Показано, що в оповіданні «Дім із мезоніном» втілено прагнення гармонії, мрію про здорове, свідоме існування, духовну красу людини, працю як основу справедливого і чесного життя. Утверджено, що оповідання А. П. Чехова наповнені такою кількістю різноманітних персонажів, характерів, ситуацій,

професій, місць побутування, що за ним можна будувати концептосферу російського життя і російського національно-культурного характеру кінця ХІХ ст.

Ключові слова: ліберальні ілюзії, ліричні розповіді, специфіка чеховської майстерності, російська інтелігенція, вузькоутилітарні ідеї, соціальна тема.

Азарова Л. Е., Горчинская Л. В. Психологический портрет русской провинциальной интеллигенции в рассказе А. П. Чехова «Дом с мезонином»

Аннотация. В статье исследовано раскрытие А. П. Чеховым психологии, человеческой сущности, поведения провинциальной интеллигенции, ее понимание смысла жизни и назначения человека; показана галерея характеров и разных судеб героев, «нравственно больных, надломленных»; суровая критика писателем существующей действительности и мещанства; бесплодность либеральных иллюзий, распространившихся в 70-х годы среди демократически настроенной публики. Обосновано, что в рассказе «Дом с мезонином» в романтическую историю о несостоявшейся любви включена общественная тема, связанная с проблемами земств. Установлено, что в «Доме с мезонином» спорят о смысле жизни, о назначении человека. Описан образ молодого художника, мечтающего об утопическом идеале общественного устройства: если освободить людей от тяжелого физического труда, разделив его, то тогда каждый будет думать о главном, о поиске правды. Определено, что его «противник» – Лидия, героиня – подвижница, приверженка теории «малых дел», которые вносят небольшие изменения в жизнь народа, но не поднимаются до решения главных задач. Мисюсь входит в галерею чеховских героинь-мечтательниц, несколько отрешённых от жизни и покоряющихся судьбе. Показано, что в рассказе «Дом с мезонином» воплощена жажда гармонии, мечта о здоровом, осмысленном существовании, о духовной красоте человека, о труде как основе справедливой и честной жизни. Утверждено, что

рассказы А. П. Чехова наполнены таким количеством разнообразных персонажей, характеров, ситуаций, профессий, мест бытования, что по ним можно строить концептосферу русской жизни и русского национально-культурного характера конца XIX в.

Ключевые слова: либеральные иллюзии, лирические рассказы, специфика чеховского мастерства, русская интеллигенция, узкоутилитарные идеи, социальная тема.

Azarova L. Ye., Gorchynska L. V. Psychological portrait of the Russian provincial intellectuals in the story of A.P. Chekhov “House with a mezzanine”

Abstract: This article reveals the psychology, human essence, behavior of the provincial intellectuals, understanding of the meaning of life and the purpose of a person; gallery of characters and different destinies of heroes, "morally sick, broken"; severe criticism of the existing reality and philistinism by the writer; shows the barrenness of liberal illusions that spread in the 70s. It is substantiated that in the story “A House with a Mezzanine”, a social theme connected with the problems of counties is included in the romantic story of failed love. Approved in the "House with the Mezzanine" arguing about the meaning of life, the destiny of man. The image of a young artist who dreams of a utopian ideal of social structure is described: if you free people from physical labor, dividing it, then everyone will think about the main thing, about finding the truth. It has been determined that the “adversary” is Lydia, the heroine is an ascetic, adherent to the theory of “small deeds”, which make small changes in the life of the people, but do not rise to the solution of the main tasks. Missyuss enters the gallery of dream heroines, a bit discharged from life and submit to fate. It is shown that the story “A House with a Mezzanine” embodies the thirst for harmony, the dream of a healthy, meaningful existence, of the spiritual beauty of man, of work as the basis of a fair and honest life.

Key words: liberal illusions, lyrical stories, Chekhov’s skills features, Russian intellectuals, narrowly utilitarian ideas, social topic.

А. П. Чехов – одно из самых удивительных явлений русской культуры. Современники видели в нем не только писателя нового типа, но и нравственный эталон, человека будущего. Каждая эпоха заново открывает для себя Чехова – «своего» Чехова. Тем не менее интерес к творчеству и личности писателя остается постоянным и неизменным во всем мире [1, с. 4].

Творчеству А. П. Чехова, языку его произведений, художественной манере писателя посвящено большое количество научных трудов. Е. Б. Гришанина рассматривает один из приемов, используемых А. П. Чеховым, – это прием контраста, требующий определенного подбора лексических средств. Методы логического и эмоционального воздействия А. П. Чехова на читателя изучала М. К. Милых. Исследуя вокатив у А. П. Чехова, В. В. Химик отмечает, что «экспрессивная функция языка – одна из наиболее любопытных и загадочных сторон поэтики писателя, повествователя и драматурга». Индивидуальному стилю, творческой манере писателя, особенностям языка его произведений посвящены исследования Л. Л. Дроботовой, Е. Б. Гришаниной, Н. Б. Наблева, М. В. Литовченко, Л. П. Громова, М. К. Милых, Б. Зейнали, Т. В. Лыковой, Е. Н. Петуховой. Изучение ономаσιологического контекста произведений Чехова дано в работах М. С. Зайченковой, И. С. Торопцевой. Н. С. Болотнова, С. Г. Ильенко, Н. С. Новикова. Биографизм ономастики А. П. Чехова рассматривал Г. Ф. Ковалёв. Иноязычную сферу в зоне персонажей писателя исследовала Н. В. Изотова. Афористичность языка произведений А. П. Чехова изучал А. В. Лыков [3, с. 125]. Все эти работы содержат ценную научную информацию о структуре контекста, о специфике языковых средств в раскрытии героев произведений великого писателя. Роль существующих научных исследований чрезвычайно важна в изучении творчества А. П. Чехова, хотя в этом направлении все еще имеется ряд проблемных вопросов, в частности, остается малоизученным психологический портрет русской провинциальной интеллигенции, её понимание смысла жизни и назначения человека. Актуальность статьи обусловлена возросшим интересом к названной

проблематике, что и определило предмет нашего исследования.

Цель статьи – показать психологический портрет русской провинциальной интеллигенции, её понимание смысла жизни и назначения человека, идейные споры эпохи, бесплодность либеральных иллюзий, распространившихся в 70-е годы среди демократически настроенной публики.

В ходе исследования были поставлены следующие задачи:

– показать психологический портрет русской провинциальной интеллигенции, ее понимание смысла жизни и назначения человека в рассказе А. П. Чехова «Дом с мезонином»;

– раскрыть в литературных портретах провинциальной интеллигенции и их окружения аморфную раздвоенность, иррациональность российского сознания;

– подтвердить, что отсутствие внутренней свободы, превращает некогда благородного человека в черствого, безразличного и глубоко несчастного циника или же просто уничтожает его морально и физически.

Одной из ведущих тем зрелого периода творчества Чехова становится изображение жизни русской интеллигенции. В своих рассказах автор создал ряд типичных образов представителей трудовой и творческой интеллигенции, а также отразил проблемы и конфликты, возникавшие в ее среде. Большинство чеховских героев – люди с высокими идеалами. Они ставят перед собой трудные вопросы, но внутренняя нерешительность не позволяет им достичь цели; они обречены на одиночество в помыслах и делах. Поэтому интеллигенция показана Чеховым сомневающейся, неуверенной и разочарованной. Чеховские интеллигенты не могут изменить что-либо в своей жизни, не видят смысла и удовлетворения в ней. Писатель отмечает две причины такой беспомощности. Первая – собственная лень, неприспособленность героев к жизни, их нежелание понять источник собственных несчастий. Вторая причина – ее отречение от личных благ, самоотверженная работа для народа – народом принято не было. Все более

явной становится ненужность таких жертв. Эти люди не могут вырваться из обыденности глубинки, но стараются делать для улучшения жизни все, что в их силах. Им не хватает решительности в их действиях. Автор описывает так называемые «поколения лишних людей».

Суровые отзывы чеховского персонажа о провинциальной жизни перекликаются с суждениями самого Чехова в письмах, тем не менее, нет достаточных оснований говорить о его безнадежном взгляде на провинцию. «Провинция» и «провинциальность» – понятия не тождественные, и в творчестве писателя различие прослеживается. Чехов презирал не провинцию, а провинциальность, страшную тем, что она обволакивает умных, честных людей, которые далеко не всегда способны противостоять инерции общепринятого и незаметно для себя покрываются «провинциальной плесенью». У Чехова такие герои производят неодинаковое впечатление: Ионыч, Никитин, Лыжин, Анна Сергеевна, Рагин – у каждого были свои благородные намерения, надежды, мечты, они пережили утрату иллюзий, и у каждого своя мера ответственности за происшедшее с ним [4, с. 112].

Для большинства чеховских героев провинциальное состояние находится в согласии с естественным состоянием их ума и души, не порождая ни амбиций «столичности», ни тоски, ни возмущения, то есть является их ментальным свойством. Довольные собой и своей средой обыватели чувствуют себя самодостаточными и не имеют комплексов: Туркины в «Ионыче», инженер Должиков в «Моей жизни», семейство Шелестовых и жених Нади Шуминой в «Невесте» и многие другие. Они не «переживают» провинцию, не рвутся в Москву, живут психологически комфортно и выглядят в собственных глазах значительными людьми. Персонажи, имеющие необоснованные претензии, переживают свою провинциальную судьбу, считая ее жалкой, недостойной себя. Екатерина Ивановна Туркина («Ионыч») в юности питает иллюзии относительно своего таланта, провинция кажется Котику не соответствующей ее высокому призванию – драма в том, что ни таланта, ни призвания не было,

поняв это, она возвращается в родной город. Панауров («Три года») обличает провинцию, стремится выглядеть непровинциально, оставаясь по своей сути провинциалом. Михаил Аверьяныч («Палата № 6»), свысока относящийся к обывателям, вздыхающий, что судьба занесла его в глушь, оказывается на поверку одним из самых непорядочных обывателей. При всей противоречивости и, порой, жёсткости, чеховские оценки не свидетельствуют о презрительном отношении к провинции – скорее они говорят о переживании за ее судьбу [4, с. 120].

«Дом с мезонином» (1896) – один из самых трогательных, проникновенных лирических рассказов Чехова. В произведении отразились жизненные впечатления и личный опыт автора, воспроизведена атмосфера мест, которые посещал писатель. Образы главных героев соотносятся с реальными людьми из числа знакомых Чехова.

Чудесный пейзаж, «милый старый дом», который глядит окнами своего мезонина, как глазами, неожиданная встреча с симпатичными людьми, наконец, неожиданная любовь – робкая, трепетная, которой так и не суждено было окрепнуть и восторжествовать, – всё это определяет неповторимую поэтическую прелесть рассказа. Однако рассказ с, казалось бы, интимной темой необычно насыщен с точки зрения социальной: в нём отразились идейные споры эпохи. Он может показаться статичным, лишенным единства действия, раздробленным на две самостоятельные линии – лирическую (нюансы настроений художника, его отношение с Мисюль) и идейную (художник и Лидия). Но в том и специфика чеховского мастерства, что в нём господствует внутреннее единство.

Социальная тема произведения связана с мыслью Чехова о бесплодности либеральных иллюзий, распространившихся в 70-е гг. среди демократически настроенной русской интеллигенции и выразившихся в модной в 90-е гг. теории «малых дел», «миниатюрного прогресса»: распространять культуру

среди населения, устраивать земские аптечки и библиотеки, помогать бедным крестьянам – вот, казалось, единственное призвание общественного деятеля.

Художник и Лидия – это два типа русской интеллигенции предреволюционных лет: тип реформатора, постепеновца, который хочет отделаться штопаньем, починкой, не понимая, что все «миниатюрные прогрессы» в состоянии только усилить и развить буржуазию, и тип, тяготеющий к революционным формам воздействия на жизнь. Важно понять, что Чехов выступал не против посильной помощи народу, а против либеральной благотворительности, сторонники которой сознательно закрывали глаза на истинное положение вещей, сея вредные иллюзии, будто «малыми делами» можно действительно что-то изменить в жизни народа. Вот эти-то иллюзии и стремился развеять Чехов.

С симпатией относится писатель к словам художника, разоблачающего фальшь Лидиной благотворительности. Не в том ее ошибка, что она помогает мужикам, а в том, что она не может и не хочет понять истинное положение народа, презрительно отвергает все (даже неопровержимое), что говорит художник. Лидия не только не знает правды и не хочет знать ее – она боится ее. Она считает ничтожными слова художника об истинном положении народа потому, что ее интересует не народ, а лишь собственная деятельность, в которой она находит удовлетворение. Узкоутилитарные идеи мельчат человека, мешая ему понять большую правду и красоту жизни – вот что показал Чехов в своём рассказе. Для Лидии земская деятельность стала своего рода «футляром». Узость взглядов, самоуверенность и духовная бедность Лидии оказываются решающими в ее споре с художником, они же стали непреодолимой преградой на пути влюблённых. Так внутренне связаны социальная и лирическая линии рассказа. Лидия выступает в роли «запретителя» любви, подбором деталей Чехов осуждает её – ограниченного, духовно бескрылого человека – и утверждает необходимость широкого взгляда на мир. При всей важности спора художника и Лидии неверно сводить содержание рассказа к одному

столкновению. Параллельно проходит тема гибели любви и поэзии, окруженных миром тяжелых страданий. Дело не только в том, что сухое, бездушное существо запретило любовь художника и Мисюсь. С самого начала на их любовь легла печать обречённости. Нельзя не обратить внимания на то, что любовь это – как маленький островок среди моря бед и страданий. Все действие развёртывается в имении Волчаниновых. Но по другую сторону широкого пруда – деревня, и это словно какой-то другой мир – суровый и тревожный. Он всё время дает знать о себе, напоминает, тревожит героев, врывается в тихую поэтическую жизнь обитателей дома с мезонином, оказывает определяющее воздействие на их судьбы, на их любовь и счастье. Так в рассказе лирическое неразрывно сплетается с социальным.

А. П. Чехов показывает, что народу нужно помочь реально ощутимым делом, нужен деятель, который встал бы на сторону народа, проникся бы его коренными интересами, связал бы свою личную судьбу с его большой и тяжелой судьбой. Лидия Волчанинова как будто стремится прийти крестьянам на помощь, но она меньше всего выступает как представитель «того», страшного мира, желая помочь лишь в малом, не меняя главного – подневольных рабских условий существования.

Глубоко противоречива и натура художника, которого раздражает фальшивая, барская благотворительность Лидии. Сам же он, как и Мисюсь, не имеет никаких забот и проводит жизнь, как он признается, в полной праздности, мечтая вместе с Мисюсь жить в мире чудесной, очаровательной природы. Но этот же художник глубоко страдает от мысли о порабощенном народе, опутанном «цепью великой». В мыслях художника много путаного, неясного, он отрицает пользу грамотности, не признаёт медицины. Но он чувствует, насколько жизнь сложнее, чем её представляет себе Лидия, он правильно понимает, как ничтожны, в сущности бесполезны предлагаемые ею рецепты улучшения жизни народа. Отрицая земскую деятельность Лидии, художник протестует против полумер, которые в сущности не решали

основных социальных проблем. И праздность его – не просто безделье, но нежелание поддерживать «существующий порядок». «...Если уж лечить, то не болезни, а причины их...»

При таких условиях жизнь художника не имеет смысла, и чем он талантливее, тем страннее и непонятнее его роль; он поддерживает существующий порядок. «И я не хочу работать и не буду...».

Мы убеждаемся, как много собственных мыслей вложил Чехов в рассуждения своего героя: тут и тяжелые раздумья о бессмысленности, моральной неоправданности труда художника в буржуазном обществе, если этот труд не способствует изменению существующего порядка и тем самым поддерживает проклятый «порядок»; тут и чеховские поиски коренных решений социальных вопросов. Духовная красота лучших человеческих героев в том, что совесть не позволяет им успокоиться, спастись самообманом, они не приемлют счастья, основанного на несчастье других. А ведь именно такой выбор предлагала им жизнь: либо не замечай ничего и наслаждайся, либо борись за счастье других.

Как ни привлекателен, как ни симпатичен дом с мезонином, чеховский герой покидает его и уходит «по ту сторону» широкого пруда, устремляется к миру труда и лишений. Вот почему символична печальная развязка рассказа – Мисюсь исчезла, как сон, как мечта: не быть счастьем среди горя и страданий.

Лирическая струя открывает в «Доме с мезонином», как в каждом чеховском произведении, второй план, лирический подтекст. Будучи подчинённым проблемной основе произведения, авторский лиризм даёт эмоциональную обобщающую оценку изображаемого, является средством раскрытия авторских идеалов. Поэтому идейный стержень рассказа «Дом с мезонином» не только в злободневности и важности вопросов, выдвинутых художником (при всей наивности его положительной программы) в кульминационной сцене спора с Лидией, но также и в лирической концовке рассказа, следующей за сюжетной развязкой.

Подлинная прелесть «Дом с мезонином» заключена в тонком, поэтическом сочетании грусти об утерянном счастье любви с тоской о всеобщем счастье. Как всегда у Чехова, простое, казалось бы, совсем обычное, традиционное содержание вырастает в большие новаторские, философские, социальные обобщения. Нежный образ Мисюсь становится образом самой красоты, самой молодости и чистоты жизни, отнятой у людей.

Таким образом, в «Доме с мезонином» спорят о смысле жизни, о назначении человека. В образе молодого художника автор показывает человека, мечтающего об утопическом идеале общественного устройства: если освободить людей от тяжелого физического труда, разделив его, то тогда каждый будет думать о главном, о поиске правды. Его «противник» – Лидия, героиня – подвижница, приверженка теории «малых дел», которые вносят небольшие изменения в жизнь народа, но не поднимаются до решения главных задач. Мисюсь, входит в галерею чеховских героинь-мечтательниц, немного отрешённых от жизни и покоряющихся судьбе. Внутренне она близка художнику, потому что мир они воспринимают с одинаковой непосредственностью. Финальный вопрос рассказчика «Мисюсь, где ты?» исполнен печали о несостоявшейся любви. Так, в романтическую историю о любви включена общественная тема, связанная с проблемами земств. В рассказе «Дом с мезонином» воплощена жажда гармонии, мечта о здоровом, осмысленном существовании, о духовной красоте человека, о труде как основе справедливой и честной жизни. Чехов жаждал гармоничного существования для человека и страдал от отсутствия общей идеи. Вопросы, поднятые Чеховым, общечеловеческие, они актуальны и в наше время. Поэтому его можно считать писателем, творчество которого современно. В сюжетах из жизни интеллигенции Чехов высказал свои самые сокровенные мысли о современной ему действительности, о настоящем и будущем России, о нравственной позиции человека.

Тематика произведений Чехова иногда перекликается с тематикой таких писателей, как Ф. М. Достоевский, И. С. Тургенев, А. Н. Островский. Но Чехов глубоко индивидуален, его стиль, нетрадиционная манера повествования, краткость, лаконизм, выбор жанра (мастер «малых форм») делают его непохожим на окружавших его писателей. Поэтому, несомненно, А. П. Чехов – великий писатель и драматург [2, с. 84].

Литература

1. **Азарова Л. Е.** Особенности художественного конфликта повестей А. П. Чехова. / Л. Е. Азарова // Таганрог и провинция в творчестве А. П. Чехова. Материалы Международной научной конференции: «XXIV Чеховские чтения в Таганроге». – Изд-во ФГБОУ ВПО. – ТГПЧ, 2012. С. 4 – 11.
2. **Азарова Л. Е.** Язык произведений А. П. Чехова. / Л. Е. Азарова, Л. В. Горчинская // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. Гуманитарные науки. Спецвыпуск №1. – Таганрог, 2011. С. 83 – 86.
3. **Азарова Л. Е.** Образы провинциальной интеллигенции как средство разоблачения психологии мещанства в творчестве А. П. Чехова / Л. Е. Азарова // «Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Серія «Філологія». – 2018. – № 37.
4. **Петухова Е. Н.** Чеховская провинция: среда обитания и обитатели / Е. Н. Петухова // Таганрог и провинция в творчестве А. П. Чехова: материалы Международной научной конференции «XXIV Чеховские чтения в Таганроге» 2011. – Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та им. А.П. Чехова, 2012. – С. 114 – 122.